

Современные политические элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы: личности и основные тенденции (размышления о прочитанном)

К. К. Худолей

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Худолей К.К. Современные политические элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы: личности и основные тенденции (размышления о прочитанном) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 330–347. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.402>

Целью статьи является исследование состояния современной политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы, выявление основных тенденций ее развития и роли в нем личностного фактора на основе анализа, проведенного авторами коллективной монографии Института славяноведения РАН. В странах Центральной Европы в целом успешно произошел переход от социализма к капитализму и возобладала линия на интеграцию в западный мир. Однако в правящих кругах этих стран имеются как сторонники полного принятия правил, установленных в Брюсселе, так и те, кто стремится сохранить за своими странами большую самостоятельность внутри европейских и евро-атлантических структур. Эти противоречия серьезны, но преодолимы ввиду уже устоявшихся в этих странах политических институтов и наличия некоторого опыта политических компромиссов. В Юго-Восточной Европе процесс перехода к капитализму происходил труднее, сопровождался острыми конфликтами на национальной почве и в настоящее время осложняется фактической приостановкой вступления этих стран в ЕС. Отсюда и более разнообразный состав элиты этого региона по сравнению с Центральной Европой — здесь существенно больше представлены бывшие коммунисты, военные, националисты. Ситуацию усугубляет слабость политических институтов и неумение, а иногда и нежелание элит искать решение проблем путем компромиссов. Особо выделяются биографии Р. Эрдогана и А. Ципраса, которые попытались (первый успешно, второй — нет) осуществить радикальные повороты в политической жизни своих стран. В целом во всех рассматриваемых странах политики, ориентирующиеся на национальные особенности и традиционные ценности, имеют существенный потенциал. России целесообразно проанализировать успехи и неудачи в отношениях со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в последние десятилетия и учесть этот опыт в будущей политике.

Ключевые слова: политическая элита, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, внешняя политика России, Европейский Союз, НАТО.

Введение

Выступая в Карловом университете в Праге 29 августа 2022 г., канцлер ФРГ О. Шольц заметил, что Европа постепенно движется в восточном направлении [1]. Действительно, в современных условиях, в том числе и ввиду украинского кризиса

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

и острой конфронтации России и Запада, роль стран Центральной и Юго-Восточной Европы в международных делах постепенно возрастает. Ввиду этого изучение правящих элит этих государств становится все более актуальным. Между тем в предшествующие годы главное внимание исследователей уделялось политическим элитам крупнейших государств, а политические элиты средних и малых государств Европы, в том числе и географически близких к России, изучались весьма фрагментарно. Поэтому исследование, предпринятое учеными Института славяноведения РАН, в котором также приняли участие сотрудники Института научной информации по общественным наукам РАН, Института всеобщей истории РАН, факультета международных отношений СПбГУ, МГИМО-Университета, Софийского университета, независимые исследователи из Сербии и Венгрии, является несомненно важным вкладом в восполнение данного пробела [2]. Оно представляет собой логическое продолжение тех исследований, которые проводились ранее в Институте славяноведения РАН и были посвящены политическим элитам Центральной и Юго-Восточной Европы в первой трети XX в. [3], между двумя мировыми войнами [4] и во второй половине XX в. [5, с. 113–115].

Изданная по результатам исследования коллективная монография «Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты» состоит из глав, которые представляют из себя самостоятельные очерки, посвященные политикам, действовавшим в этих странах. При этом в ряде случаев авторы прослеживают весь жизненный путь политика, в других ограничиваются рассмотрением того периода его биографии, когда он принимал активное участие в политической борьбе и в той или иной степени оказывал влияние на политическую жизнь своей страны. Несколько отличаются разделы об Албании и Северной Македонии, где главное внимание уделяется анализу общих тенденций развития, а характеристики отдельных политиков даются в контексте рассматриваемых событий.

Каждый из очерков вызывает большой интерес вне зависимости от того, идет ли речь о политическом деятеле, имеющем международную репутацию или известность только в пределах своей страны, находится ли он у власти или в оппозиции, или его имя уже принадлежит истории. Несомненно, авторам пришлось столкнуться с рядом серьезных проблем. Сложно писать о действующих политиках, особенно стоящих сейчас у власти, а также о тех, кто сошел с политической сцены, но чье наследие является предметом острых дебатов как в научных, так и в общественно-политических кругах. К тому же в некоторых случаях авторы лично знакомы с героями своих очерков и не скрывают своего отношения к ним. Тем не менее авторский коллектив смог сохранить объективность в исследовании и привести достаточное количество серьезных научных аргументов для обоснования своей точки зрения.

Рассматриваемая монография содержит большой фактический материал, который будет использован при написании новых работ по истории отдельных стран. Но одновременно она стимулирует изучение сюжетов, связанных с осмыслением роли политической элиты Центральной и Юго-Восточной Европы в целом. На этом фоне, однако, заметно отсутствие обобщающего раздела или главы, подробно раскрывающих вопросы теории и методологии. Почти все авторы руководствуются принципом историзма с применением в отдельных случаях методов других наук. Ввиду этого особое внимание привлекает источниковая база исследования. Она достаточно разнообразна, причем с учетом конкретной ситуации в той или иной

стране порой специфична. Архивные материалы по понятным причинам используются фрагментарно. Однако это в полной мере компенсируется широким использованием опубликованных документов, выступлений политических деятелей, мемуарами и другими источниками. Данная источниковая база вполне достаточна для проведения столь сложного исследования по малоизученной теме на высоком уровне. Единственное замечание, которое можно сделать, касается целесообразности более широкого использования материалов СМИ и опросов общественного мнения, показывающих отношение населения к тому или иному политику, отражающих динамику роста или падения его популярности.

Данная статья ставит своей целью исследование состояния современной политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы, выявление основных тенденций ее развития и роли личностных факторов на основе анализа, проведенного авторами коллективной монографии.

Центральная Европа: новое поколение политиков в рамках стабильной политической системы

Несмотря на значительные трудности и проблемы, страны Центральной Европы, входящие в Вышеградскую группу, в целом успешно осуществили переход от социализма к капитализму и полностью сменили внешнеполитическую ориентацию, включившись в процессы европейской и евро-атлантической интеграции. В этих государствах сложились достаточно стабильные политические системы, отсутствуют крупные конфликты на этнической или социальной почве. Распад Чехословакии и появление независимых Чехии и Словакии прошел исключительно мирно, причем — что редко бывает — обе страны почти сразу установили друг с другом добрососедские отношения. До тех пор пока эти страны не столкнулись с негативным воздействием пандемии коронавируса, а также рядом проблем, вытекающих из обострения международной обстановки (приток беженцев из Украины, рост военных расходов, антироссийские санкции и свертывание многих каналов сотрудничества ЕС и России и т.д.), их экономическое развитие в основном было успешным. Все это создавало благоприятные условия для продвижения деятелей, представляющих политический мейнстрим, а не какие-либо крайние течения. Естественно, что они в свою очередь работали над укреплением системы, обеспечившей им путь вверх. Однако политический истеблишмент Центральной Европы не столь однороден по сравнению с Германией или странами Северной Европы. В нем четко выделяется два направления, выступающих за членство в ЕС, НАТО и других западных объединениях. Однако первое готово идти на увеличение полномочий институтов ЕС и стремится следовать правилам, установленным в Брюсселе, а второе предпочитало бы сохранить для отдельных государств большую свободу действий, в большей степени учитывать национальную специфику и традиционные ценности. Политики, действующие в рамках второй тенденции, популярны среди населения сельской местности, малых и средних городов Польши и Венгрии, а также в несколько меньшей степени — Словакии. При этом политические платформы политиков, критически относящихся к ЕС и апеллирующих к традиционным ценностям и национальным особенностям, также существенно различаются. Эти различия (а порой и разногласия) нельзя объяснить только отличием в традиционных ценностях тех или иных стран.

Политический портрет первого постсоциалистического премьер-министра Венгрии Й. Анталла (1990–1994), безусловно, представляет значительный интерес (автор главы — Б. Й. Желицки). В отличие от Л. Валенсы, В. Гавела, Ж. Желева и ряда других первых постсоциалистических лидеров, Й. Анталла не привлекал к себе значительного внимания и был мало известен за пределами Венгрии. В связи с этим любопытно замечание, что нежелание Й. Анталла идти на контакты с прессой было обусловлено не столько его аристократизмом (его подозревали в высокомерии как выходца из дворянской семьи), сколько тяжелой болезнью, истощавшей его силы [2, с. 23]. Правительство Й. Анталла провозгласило своей программой лозунги народной свободы, экономического перелома и воссоединения с Европой и добилось определенных результатов в их реализации. Но при этом оно столкнулось с трудностями как внутри страны, так и на международной арене. Приводимые данные вновь заставляют задуматься о необходимости более тщательного анализа политики Запада в годы трансформации в постсоциалистических странах. Мнение о том, что Запад всегда требовал скорейшего перехода к рыночной экономике и разрыва с социализмом, что считается почти аксиомой во многих российских исследованиях, весьма спорно и для России, и, как выясняется, для стран Центральной Европы. Именно Запад настаивал на том, чтобы никто из функционеров прежней власти в Венгрии не был подвергнут преследованиям, а некоторые бывшие коммунисты получили посты статс-секретарей в первом постсоциалистическом правительстве. Запад хотел осуществить переход максимально плавно, без крупных конфликтов или эксцессов как ввиду хороших личных связей со многими представителями старой власти, так и желания обеспечить возврат займов. Скорее всего, давление в сторону принятия наиболее жестких и радикальных решений исходило в наибольшей степени от эмигрантских кругов, чья роль, однако, в полной мере не раскрыта. При этом Й. Анталла далеко не всегда воспринимал западные советы, а порой даже сопротивлялся им. Он не был послушным исполнителем. К сожалению, очень коротко сказано о том, как события в СССР (переговоры о выводе советских войск, путч в августе 1991 г., распад СССР) и России влияли на ситуацию в Венгрии и как проходило становление российско-венгерских отношений.

Начиная с 17 июня 1989 г., когда на многотысячном митинге, посвященном перезахоронению И. Надя, никому тогда не известный молодой В. Орбан публично потребовал вывода советских войск, его имя не сходило с передовых страниц газет, причем не только венгерских. При этом он претерпел значительную эволюцию — от стипендиата фонда Сороса до его идеологического противника, политика, резко критикующего планы увеличения полномочий институтов ЕС. При этом ему удается сохранить значительную поддержку среди избирателей. Тот факт, что возглавляемая им партия ФИДЕС четыре раза подряд одержала победу на парламентских выборах, является действительно беспрецедентным успехом. Это превратило его в одного из «политических старожилев Европы». Нельзя не согласиться с автором главы об Орбане Ф. Е. Лукьяновым в том, что «венгерский премьер сегодня не только политический марафонец, преодолевший стайерские дистанции политики, но и политический тяжеловес, средней, скажем так, весовой категории» [2, с. 42]. С большой долей уверенности можно прогнозировать, что В. Орбан еще длительное время будет находиться в активной политике и в Венгрии, и в ЕС. Однако рассмотрение политического портрета В. Орбана заставляет задуматься над

побудительными мотивами его эволюции. Ведь если, например, у братьев Качинских скептическое отношение к институтам ЕС присутствовало всегда, то у В. Орбана оно сформировалось позднее. Если В. Орбан, в отличие от отношений с СССР, стремится к поддержанию нормальных отношений с Россией, то Качинские всегда демонстрировали свою неприязнь и к СССР, и к России. Если Качинские — одни из ближайших сторонников США, то у В. Орбана отношения с Вашингтоном сложнее. Из всех глав стран — членов НАТО только В. Орбан и Р. Эрдоган не были приглашены на «саммит демократий», созванный Дж. Байденом. В то же время В. Орбан не скрывает своих симпатий к Д. Трампу. То есть популизм и ориентация на консервативные ценности и национальные традиции могут привести к совершенно различным результатам в практической политике. Вопросы соотношения различных факторов — идеологических аспектов и исторических традиций, политических и экономических интересов, соображений обеспечения безопасности и др. — представляют, по нашему мнению, очень большую актуальность, и их дальнейшая разработка очень желательна.

Роль Польши в современных условиях, несомненно, возрастает, и поэтому биографии двух крупных политиков — Я. Качинского и Д. Туска вызывают повышенный интерес. Как справедливо отмечает автор главы В. В. Волобуев, это два лица польского консерватизма. Однако в их политической и идеологической платформах есть не только схожие моменты, но и отличия. И Я. Качинский, и Д. Туск близки к США, но если первый всячески противопоставляет себя России, то второй стремится наладить с ней деловые отношения. Но главное различие состоит в их отношении к европейской интеграции. Я. Качинский не против ЕС в принципе (несмотря на резкие выпады против европейской бюрократии, он никогда не говорил о выходе из ЕС), а против увеличения власти институтов ЕС. Д. Туск, бывший председателем Совета ЕС и являющийся лидером Европейской народной партии, наоборот, выступает за укрепление институтов ЕС. В. В. Волобуев подчеркивает, что Д. Туск сейчас является главной надеждой противников Я. Качинского [2, с. 98], но избегает прогноза, кто возьмет верх в этом противоборстве.

Отдельная глава (автор — Э. Г. Задорожнюк) посвящена трем постсоциалистическим президентам Чехословакии и Чехии — В. Гавелу, В. Клаусу и М. Земану. Должность президента Чехии не дает ее обладателю большой власти, поскольку страна является парламентской республикой. Однако он является верховным главнокомандующим и исполняет важные представительские функции как внутри страны, так и за рубежом. Все трое неоднократно выступали с заявлениями, в которых излагали свои взгляды, в том числе и отличные от позиции правительства. К сожалению, в главе очень мало сказано о том, что предшествовало приходу на пост президента в карьерах В. Клауса и М. Земана, под влиянием каких факторов формировались их политические воззрения. Это очень важно, поскольку и В. Клаус, и М. Земан, строго говоря, не были ни представителями коммунистической номенклатуры, ни диссидентами. Видимо, поэтому их деятельность в качестве президентов носила более сбалансированный характер, чем деятельность В. Гавела. В то же время, по нашей оценке, автор несколько преувеличивает негативизм В. Гавела в отношении России в годы его пребывания на посту президента (а не диссидентства!). Сошлемся на опыт своей личной беседы с В. Гавелом в середине 90-х годов — складывалось впечатление, что он был скорее безразличен, чем враждебен к Рос-

сии. Он не собирался способствовать сотрудничеству России и Чехии ни в одной из сфер (о гуманитарных связях он говорил только в контексте участия двух стран в многосторонних международных проектах). Тем не менее сдержанность В. Гавела заметно отличала его от многих других чешских политиков, которые не скрывали тогда враждебности к России — память о событиях 1968 г. в политической элите и обществе была сильна. Она сохраняется и в настоящее время. Интересен прогноз Э. Г. Задорожнюк о том, кто в будущем станет президентом Чехии. Сейчас этот прогноз скорее не сбывается, так как победивший на выборах 2023 г. генерал П. Павел вряд ли соответствует трем критериям, сформулированным автором главы. Видимо, это обусловлено реакцией политической элиты Чехии на события 2022–2023 гг. на Украине и резким обострением конфронтации России и Запада. Нельзя исключить появления в этих условиях военных в политических элитах и других государств в Центральной Европе, где после отставки президента В. Ярузельского они практически не были представлены. Однако после нормализации международной обстановки тенденция, отмеченная Э. Г. Задорожнюк, может возобладать, хотя, как справедливо отмечает и автор, «более точные прогнозы и четкие аналогии проводить практически невозможно» [2, с. 174].

Интересна глава о словацких политиках — В. Мечъяре и М. Дзуринде (автор В. В. Никитин). Словакии и ее политическим деятелям уделяется в научной литературе меньшее внимание, чем другим странам Вышеградской группы, что вряд ли обоснованно. Эти два политика не просто испытывали друг к другу значительную неприязнь (в мире политики любой страны это встречается неоднократно), но и, находясь у власти, проводили совершенно различный курс. В. Мечъяр, бывший премьер-министром в начальный период становления словацкой государственности, уделял связанным с этим вопросам первостепенное значение. При этом, проводя линию на рыночные преобразования, он стремился сохранить имеющийся экономический потенциал и, добиваясь сближения с НАТО и ЕС, одновременно укреплять взаимовыгодные связи с Россией. При раскрытии последнего сюжета следовало бы несколько более подробно остановиться на вопросах экспорта российского газа и взаимоотношениях с «Газпромом». М. Дзуринда, наоборот, считал необходимым добиться максимальной поддержки США и ЕС и пойти на определенное сокращение связей с Россией, даже если это угрожало обвалом социально-экономической сферы. При этом М. Дзуринда во многом полагался на рекомендации западных советников, которые иногда плохо знали страну (в главе приводится любопытный факт: однажды западные эксперты перепутали двух словацких политиков — президента М. Ковача и заместителя председателя Демократического союза Р. Ковача). По мнению В. В. Никитина, В. Мечъяр был более успешен в своей политике [2, с. 133]. Если оценивать успех по тому, скольких поставленных целей находящийся у власти политик смог добиться, то с этим нельзя не согласиться. Однако с точки зрения длительной перспективы правительство М. Дзуринды оказало большее влияние на общий вектор развития Словакии, хотя последующие премьеры и внесли существенные коррективы в проводимую им политику.

Таким образом, в развитии политических элит стран Центральной Европы в целом преобладает линия на интеграцию в западные институты. Эти процессы зашли уже достаточно далеко и, скорее всего, стали необратимыми. Однако различия и разногласия остаются — влиятельные политические круги государств Вы-

шеградской группы недовольны своим местом в западных институтах, а также тем, что интересы их стран не учитываются там в полной мере, и по-разному смотрят на способы их обеспечения. Эти разногласия не являются антагонистическими и вполне могут смягчаться путем переговоров и компромиссов (они не чужды центральноевропейским политикам). В то же время они создают почву и для внутри-элитных противоречий в самих странах, и для трения между государствами, сказываются при принятии конкретных политических решений.

Политический мир постсоциалистических государств Юго-Восточной Европы

Политические элиты постсоциалистических государств Юго-Восточной Европы рассматриваются в книге значительно более подробно (им посвящены 15 из 22 глав), чем центральноевропейские. Эта диспропорция связана с тем, что в силу ряда серьезных и долгосрочных факторов эти элиты являются по своему составу существенно более сложными и многообразными. Прежде всего надо отметить, что в странах Юго-Восточной Европы элементы старого строя, в том числе и влияние старых элит, во многих случаях сохранились. Если страны Центральной Европы уже выбрали модель общественного развития, которую, хотя и с некоторыми нюансами, поддерживает большинством населения, то почти все постсоциалистические страны Юго-Восточной Европы все еще продолжают поиски путей своего развития. По большому счету элиты и значительная часть населения стран этого региона оказались не готовы к радикальным изменениям, которыми сопровождалась смена общественного строя. Резко обострились и национальные противоречия, особенно на территории бывшей Югославии, что сказывается и на современной обстановке на Балканах. Первоначально значительная часть элит и обычных граждан, как и в Центральной Европе, ориентировалась на скорейшее вхождение в европейские и евро-атлантические институты. Однако эти настроения не были всеобщими (особую позицию всегда занимал Белград), и даже часть прозападной элиты хотела сохранения связей с Россией. И наконец, последнее по счету, но не по значению — из трех стран, которые первыми стали членами НАТО и ЕС, только Словения смогла добиться определенных успехов. Вступление в НАТО и ЕС не принесло Румынии и Болгарии ни разрешения старых проблем, ни ускорения социально-экономического развития. У части балканских элит вызывает раздражение длительная задержка с рассмотрением их заявлений о вступлении в ЕС. К тому же, несмотря на значительные инвестиции, полученные в рамках Пакта стабильности на Балканах (1999) и ряда других проектов, отставание постсоциалистических стран Юго-Восточной Европы от государств Вышеградской группы постоянно увеличивается, и эта картина вряд ли изменится в обозримом будущем.

Естественно, что все эти факторы, как и некоторые другие, влияют на формирование элит постсоциалистических государств Юго-Восточной Европе. Каждая из упомянутых тенденций выдвигает на первый план деятелей, готовых четко и последовательно проводить ее в жизнь. Поэтому в элите государств региона в значительно большей степени представлены деятели времен социализма и их политические продолжатели, военные, причем не только в странах, вовлеченных в прямые военные конфликты, ярые националисты и эмигранты. Политики, выдвинутые

в результате преобразований постсоциалистического периода, не являются здесь большинством, как в Центральной Европе. Одной из главных проблем региона является то, что люди со столь различным происхождением, карьерой, политическим и жизненным опытом очень сложно находят общий язык, а в ряде случаев этого у них не получается совсем. Искусство поиска компромисса, урегулирования конфликта или разрешения проблемы путем переговоров, а не силового давления, во многом для них чуждо.

Деятели правящих кругов периода социализма, которые смогли войти, причем иногда на длительный период времени, в новую политическую элиту, представлены биографическими очерками, посвященными А. Луканову (автор И. Баева), И. Илиеску (автор И. С. Путинцев), С. Милошевичу (автор Е. Ю. Гуськова), М. Джукановичу (автор Я. Н. Смирнов). Их политические судьбы очень отличны, но в целом у всех прослеживается одна общая черта — им пришлось действовать в условиях, когда левые идеи и политические партии оказались в состоянии глубокого кризиса и постепенно шли на спад. Наибольшую политическую живучесть показали те из них, кто в своей практической деятельности в наибольшей степени отошел от социалистических идей, как, например, многолетний руководитель Черногории М. Джуканович. Кризис левых идей и социалистических партий, которые во многих случаях появились на базе старых компартий, был во многом определен крахом социализма в нашей стране и распадом СССР. Поэтому очень важно было бы показать, как относились указанные политики к происходящему в СССР и России и как эти события влияли на их деятельность, эволюцию их политических взглядов. Но эти вопросы раскрыты в минимальной степени или отсутствуют вообще. Так, например, отмечается, что «пагубную роль в его [Луканова] карьере сыграл августовский путч в Москве 19–21 августа» [2, с. 258], но из дальнейших нескольких фраз не ясно, в чем по существу состояли его разногласия с А. Лиловым. Настороженное отношение российского руководства к С. Милошевичу во многом вытекало из позиции того в августе 1991 г. — во всем мире только четыре руководителя государств выступили на стороне путчистов. К этому добавилось и убийство советских журналистов В. Ногина и Г. Куренного в сентябре 1991 г. — подозрения пали на сербский спецназ и расследование явно затягивалось.

К данным очеркам по существу примыкает и глава о политической системе современной Албании (автор — А. А. Улуния). Формирование политической элиты Албании переходного периода является особенно сложным, так как режим Э. Ходжи был, пожалуй, самым жестоким из всех социалистических государств Европы. Старые элиты во многом смогли сохранить свое влияние в государственном аппарате, судебной системе, местных органах власти, причем раскол страны на Север, поддерживающий оппозиционеров, и просоциалистический Юг, существовавший почти все годы социализма, в основном сохраняется. Новые партии появились в 90-е годы XX в. раньше тех слоев, которые они могли бы представлять, и во многом превратились в орудия власти их лидеров. Изменения в вооруженных силах были в основном связаны с вступлением в НАТО, но этот сюжет — в отличие от несостоявшегося до сих пор вступления в ЕС — практически обойден.

Естественно, что процесс смены общественного строя привел к появлению в политической элите и новых людей — как бывших диссидентов, так и тех, кому в силу различных причин, в том числе не всегда политических или идеологических,

был при социализме закрыт путь наверх. К этой группе относятся первый пост-социалистический президент Болгарии Ж. Желев (автор главы — И. Баева), трагически погибший премьер-министр Сербии З. Джинджич (автор А. Б. Едемский), министр иностранных дел Словении Д. Рупель (автор И. С. Пилько), политический лидер сербов в Боснии и Герцеговине М. Додик (автор Е. Ю. Гуськова).

Отдельная глава посвящена первому министру иностранных дел независимой Словении Д. Рупелю (1990–1992) — политической фигуре, которая почти неизвестна за пределами Словении. Тут, пожалуй, стоит особо выделить такие моменты, как рассмотрение проблем формирования министерства иностранных дел нового государства и роль Запада в распаде Югославии. Опираясь на документы самого Д. Рупеля, автор показывает, что Запад совсем не стремился к скорейшему распаду Югославии. Скорее всего, тут можно провести некоторое сравнение с И. Анталлой, который тоже столкнулся со сдержанной позицией Запада. Причины этого, скорее всего, те же — ряд словенских коммунистов имел неплохие личные контакты с Западом, ЕЭС не хотело сильной дестабилизации вблизи своих границ, немаловажное значение имел и вопрос о выплате долгов. Более спорным является утверждение, что во второй половине 80-х годов «отношения между Любляной и Белградом обострялись день ото дня. Здесь хотелось бы особо подчеркнуть, что в данном контексте Белград следует рассматривать не как столицу Сербии, а как столицу СФРЮ» [2, с. 446]. Каких-либо аргументов в пользу этого тезиса не приводится. Между тем в Словении имеется и иная точка зрения. Так, по мнению почетного профессора Люблянского университета А. Беблера, именно то, что Белград был одновременно столицей и Сербии, и Югославии, воспринималось в Словении и некоторых других республиках как показатель сербского доминирования, неравного положения республик в федерации. Следовательно, критика Белграда означала критику не только федеральных органов власти, но и Сербии. Думается, что такая оценка более обоснованна, хотя, конечно, политическая элита Словении — маленькой республики — была вынуждена маневрировать, опасаясь прямой конфронтации с обладающими значительно большими ресурсами властями федерации и Сербии.

Одним из наиболее близких к России политиков на Балканах сейчас является руководитель Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины М. Додик. Его эволюция также весьма показательна — от определенной ориентации на Запад до полной смены курса, когда стало ясно, что в Боснии и Герцеговине начинает постепенно осуществляться политика на лишение полномочий, а затем и возможную ликвидацию Республики Сербской. Наиболее интересным является вывод Е. Ю. Гуськовой о том, что именно Республика Сербская, а не Белград становится сейчас центром сербства на Балканах и что в перспективе не исключен и ее выход из Боснии и Герцеговины [2, с. 361–363]. Пойдет ли на это М. Додик, есть ли у Республики Сербской соответствующие ресурсы и к каким последствиям для Балкан это может привести — вопросы, требующие дополнительных исследований.

Важным элементом элиты постсоциалистических государств Юго-Восточной Европы стали военные. В книге они представлены прежде всего очерками о двух сербских генералах — М. Новаковиче, бывшем первом главнокомандующим Сербского войска Краины (авторы — В. А. Соколов и К. Новакович), и Р. Младиче (автор — Е. Ю. Гуськова), игравшем одну из ключевых ролей в событиях 90-х годов в Боснии и Герцеговине. И в научной литературе, и в публицистике о К. Новаковиче

написано немного. Авторы главы справедливо отмечают, что главной трудностью для них был ограниченный круг источников [2, с. 383]. Действительно, «белые пятна» в биографии К. Новаковича заметны. Тем не менее перед нами предстает фигура талантливого офицера, который смог за короткий промежуток времени создать боеспособное формирование, но не смог удержаться в политической элите после поражения Сербской Краины. Опыт написания первой биографии К. Новаковича представляется успешным, и его фигура заслуживает большего внимания при проведении дальнейших исследований. В отличие от К. Новаковича, о Р. Младиче имеется уже достаточно обширная литература, причем оценки его деятельности не просто различны, а порой диаметрально противоположны. Это во многом связано с тем, что фигура Р. Младича и после его смерти остается на Балканах фактором политической борьбы. Е. Ю. Гуськова придерживается позитивной оценки Р. Младича. Выскажем и спорное соображение — к военным кругам, вошедшим в политическую элиту, следует отнести и хорватского лидера Ф. Туджмана (автор главы А. А. Пивоваренко). При всей сложности и неоднозначности данной политической фигуры — он был и генерал-майором Югославской народной армии, и диссидентом, и ярким националистом — в его стиле управления и политики преобладали представления, свойственные «образцовому военному» [2, с. 469]. Это, в частности, проявилось и в стремлении разрешить сложную проблему Сербской Краины силовым путем.

История одного из государств, образовавшихся после распада Югославии, — Македонии (автор главы Е. А. Колосков) в полной мере демонстрирует сложности процессов формирования новой государственности, остроту и своеобразие межгосударственных и межнациональных отношений на Балканах. Даже название страны было встречено рядом других государств негативно — для того, чтобы получить согласие Греции на вступление в НАТО, пришлось изменить его на Северную Македонию. Сейчас одним из препятствий для вступления в ЕС является требование Болгарии признать македонский язык одним из диалектов болгарского. Эти конфликты, а также историческая память о Бухарестском мире 1913 г., который воспринимается как «удар по национально-освободительному движению» и «денационализация» македонского народа, оказывают глубокое влияние на настроения и политической элиты (она состоит из двух основных групп — новые политики, придерживающиеся в основном правой ориентации, и бывшие партийные функционеры при практически полном отсутствии влияния эмигрантских кругов), и населения страны в целом. Антиюгославская направленность движения за независимость на каком-то этапе трансформировалась в антисербскую. Внутри одной из двух крупнейших партий — Внутренней македонской революционной организации — Демократической партии за македонское национальное единство, которая первой выступила за выход из Югославии, постоянно происходят столкновения между различными группами, обвиняющими друг друга в «болгарофильстве» и «болгарафобии». Это на практике служит инструментом для обоснования политических решений и кадровых перестановок. «Готовность элит, — отмечает Е. А. Колосков, — использовать символическую политику и эксплуатировать устоявшиеся стереотипы, связанные с обвинениями в продвижении интересов соседних государств вплоть до национального предательства, вызывают международные скандалы и, безусловно, не способствуют развитию демократии в данном регионе Балкан» [2, с. 296].

В разделах о политиках государств, появившихся после распада Югославии, важное место занимают различные аспекты проблемы Косово, в том числе и вопросы истории. Признавая аргументированность высказываемых авторами соображений, все-таки заметим, что отношение Албании в годы социализма к проблеме Косово было более сложным. Одной из главных причин, почему Э.Ходжа после окончания Второй мировой войны согласился на вхождение Косово в Югославию, было понимание, что политическая полиция Албании значительно слабее югославской и не сможет подавить сопротивление косоваров коммунистическим властям [6, с. 315–316]. Когда в 1945–1948 гг. в Югославии проходили процессы над албанскими националистами, коммунистическая печать Албании была полностью на стороне обвинения. Это отмечалось и в донесениях советских дипломатов, работавших в Тиране¹. После разрыва с Белградом Э.Ходжа попытался поставить вопрос о притеснении албанцев в Косово по национальному признаку. Однако значение письма ЦК АПТ в ЦК ВКП(б) 1949 г. по данному сюжету не следует преувеличивать [7, с. 209]. Нам неизвестно, чтобы руководство ВКП(б) как-то отреагировало на него. В албанской пропаганде по-прежнему конфликты в Косово преподносились как борьба «марксистов-ленинцев» (сторонников Информбюро) против «предателя Тито». Так, например, в редакционной статье «Зери и попули» «Фашистская клика Тито — палач населения Косово» от 27 октября 1950 г., которая была позитивно отмечена в донесениях советских дипломатов, конфликты в Косово представлялись исключительно как идеологические и вопрос о присоединении Косово к Албании или даже о большей автономии в рамках Югославии не ставился [8]. Национальный аспект стал проявляться лишь после советско-югославского примирения 1955 г., XX съезда КПСС и наиболее полно прозвучал в речи Э.Ходжи на Совещании коммунистических и рабочих партий 1960 г. [8, р. 856]. Однако и в последующие годы фактор антикоммунистических настроений в Косово (в контексте того, что оппозиционные настроения были наиболее сильны в Северной Албании) также играл немаловажную роль в формировании политики ЦК АПТ.

Таким образом, процесс формирования политических элит постсоциалистических государств в Юго-Восточной Европе продолжается. В данный момент их состав значительно более сложный и разнообразный, чем в других регионах Европы, число внутренних противоречий также значительно больше, и ввиду ряда причин, в том числе и недостатка политического опыта у правящих кругов этих стран и специфики развития региона, вероятность возникновения острых конфликтов остается весьма существенной.

Реджеп Эрдоган и Алексис Ципрас

Политические портреты Р.Эрдогана (автор И. М. Мамедов) и А.Ципраса (автор А. К. Александрова), как и политиков постсоциалистических государств, также включены в раздел о политических элитах стран Юго-Восточной Европы. Это является спорным, так как общественный строй Турции и Греции не претерпел столь крупных трансформаций, как постсоциалистические государства Балкан. В то же время нельзя не признать, что определенная логика в этом присутству-

¹ Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 67, оп. 6, д. 8, п. 4, с. 58–59.

ет. И Р. Эрдоган, и А. Ципрас предприняли попытки — и в первом случае не без успеха — изменить общий курс развития своих стран, причем в случае Р. Эрдогана речь шла об апелляции к традиционным ценностям, в том числе и религиозным, что качественно отличалось от политики основателя Турецкой республики К. Ататюрка. А. Ципрас пытался сдвинуть ось политической жизни Греции резко влево — в значительно больших масштабах, чем предшествовавшие левые правительства. Несомненно, что аргументом в пользу такой композиции раздела книги о политической элите Юго-Восточной Европы является и то, что события в Турции и Греции оказывают некоторое влияние на ситуацию на Балканах. Так как все балканские страны, кроме Сербии и Боснии и Герцеговины, вошли в состав НАТО, то между ними и Турцией и Грецией нет теперь таких разделительных линий, как в годы холодной войны.

В начале 2023 г. большинство экспертов и журналистов склонялось к мнению, что политическая карьера Р. Эрдогана близка к окончанию, — крайне сложная экономическая обстановка, договоренность оппозиции о выдвижении единого кандидата, последствия землетрясения негативно сказывались на его рейтинге. Однако он смог, хотя и с минимальным перевесом, победить во втором туре президентских выборов. Чем объяснить его политику, которая уже почти два десятилетия позволяет ему оставаться на постах президента или премьера и возглавлять Турцию — страну с очень сложной историей и полной противоречий современностью? Нельзя не согласиться с автором, что немаловажную роль играет сама личность Р. Эрдогана — он родился в семье со скромным достатком, не учился в престижных школах, не жил за границей, т. е. является для многих турок «своим», «человеком из народа». Его самоуверенность, гордость и даже высокомерие делают его харизматической фигурой для одних и объектом подозрений для других [2, с. 555]. В своей политике он не раз демонстрировал решительность и бескомпромиссность. Р. Эрдоган смог уловить, что догмы кемализма не отвечают ни реальностям XXI в., ни интересам консервативных кругов внутренней Анталии, которые — в отличие от западно-ориентированного населения крупных городов — и составили его социальную базу. При этом популярность Р. Эрдогану придает и самостоятельная внешняя политика — это особенно ярко проявилось уже после написания очерка во время последних событий на Украине и конфронтации России и Запада. Р. Эрдоган очень четко выступает в защиту национальных интересов Турции и добивается успехов. Скорее всего, правы те эксперты, которые считают, что при Р. Эрдогане сформировался новый политический режим. В ходе последующих исследований было бы интересным проанализировать изменения турецкой политики при Р. Эрдогане в отношении Балкан, где он очень популярен среди мусульманского населения, а также отношение мусульманских политиков балканских государств к Турции и лично к Р. Эрдогану. Речь идет в первую очередь о А. Довгане — основателе первой турецкой партии в Болгарии (автор главы — И. Баева). По нашей оценке, заслуживает большого внимания и анализа политические стили Р. Эрдогана и А. Довгана. Конечно, они — политики совершенно различного уровня и масштаба, действующие в совершенно различных условиях и ставящие перед собой совершенно различные цели. Но политический стиль А. Довгана во внутривосточной борьбе в Болгарии и стиль Р. Эрдогана на международной арене чем-то напоминают друг друга. Является ли это случайным совпадением, или в поведении политиков турецкого

происхождения — вне зависимости от того, действуют ли они в Турции или другой стране, — есть общие черты?

Исследование политической биографии А. Ципраса и особенностей формирования греческой политической элиты в условиях финансово-экономического кризиса относится к числу самых интересных разделов. Двухпартийная система, установившаяся после падения военной хунты в 1974 г., показала низкую эффективность — решение острых экономических проблем постоянно откладывалось, и страна оказалась на грани дефолта, широкое распространение получили коррупция в государственном аппарате, семейственность в правящих кругах и другие негативные явления. Экономический кризис резко обострил все проблемы, и от правящих кругов потребовалось принятие крайне непопулярных мер, связанных со снижением жизненного уровня населения, которые были сформулированы в меморандуме «тройки» кредиторов. Раскол страны на сторонников и противников меморандума оказался сильнее традиционного деления на левых и правых. Ввиду растерянности старой политической элиты резко возросла популярность радикальной левой партии СИРИЗА и ее лидера А. Ципраса. Многим избирателям импонировал активный стиль СИРИЗА, созданной первоначально как молодежная коалиция (интересный вопрос для будущих исследователей — есть ли что-то общее в политическом стиле СИРИЗА и ФИДЕС на начальных стадиях их деятельности?), отсутствие каких-либо связей со старой элитой (спрос на новых людей был велик), четкая программа по противодействию требованиям кредиторов и несомненная харизматичность личности самого А. Ципраса, вызвавшая симпатии даже у людей иных политических взглядов. Однако, став премьером, А. Ципрас мало что смог изменить и был вынужден выполнять условия кредиторов всего лишь в несколько смягченном виде. Хотя с 2017 г. в экономике начался некоторый рост, разочарование сторонников СИРИЗА оказалось большим — партия проиграла парламентские выборы 2019 г., мая и июня 2023 г. Сейчас трудно сказать, вернется ли Греция к старой двухпартийной системе (пока имеются только некоторые признаки этого), но поражение радикальных левых несомненно, и, несмотря даже на некоторый сдвиг к более умеренной линии, их шансы закрепить свои позиции в политической элите даже на нынешнем уровне невелики.

Таким образом, Р. Эрдоган и А. Ципрас вошли в высшие эшелоны власти как харизматические политики, имеющие репутацию новых людей, не связанных со старой элитой, готовых на решительные шаги и крупные преобразования. Но осуществить их удалось только Р. Эрдогану. Апелляция к национализму и традиционным ценностям оказалась политически более успешной, чем ставка на радикальные социалистические идеи.

Вместо заключения

Большой фактический материал, собранный в монографии, позволяет сформулировать некоторые тенденции и закономерности развития политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы и высказать предположения о том, как могут в будущем строиться отношения России с этими государствами, упавшие во многих случаях до самой низкой точки.

Прежде всего во всех постсоциалистических странах Европы достаточно четко проявлялась тенденция, свойственная почти всем революциям XVIII–XX вв., —

политическая карьера тех, кто шел в авангарде революционных изменений и оказался у власти сразу после падения старого режима, оказалась недолговечной.

Л. Валенса, Ж. Желев, С. Бериша, несомненно, вошли в историю своих стран, но не смогли удержаться сколько-нибудь продолжительный период на политической сцене. Скорее всего, такая же судьба постигла бы Й. Анталлу, если бы не его преждевременная смерть, и В. Гавела, если бы он был не символом, а реальным руководителем государства. Примечательно, что практически никто из коммунистов-реформаторов, а некоторые из них, как, например, Й. Пожгаи, пользовались в какой-то момент большой популярностью, также не смог остаться в высших эшелонах политической жизни своих стран. Новое поколение — политики второй волны — не было уже простыми продолжателями своих предшественников, а внесло новые элементы в политическую жизнь, отличалось значительно большим прагматизмом и меньшей приверженностью к идеологическим догмам.

Опыт государств Центральной и Юго-Восточной Европы последних трех десятилетий показал, что значительного успеха и политического долголетия добиваются те политики, которые апеллируют к национальным чувствам и традиционным ценностям. Их ценностные ориентиры, несомненно, отличаются от тех, которых придерживается политический мейнстрим стран — начинателей европейской интеграции, но не противоположен им. Р. Эрдоган не собирается выходить из НАТО, а В. Орбан и Я. Качинский — из ЕС, но они хотят большей автономии, большего учета национальной самобытности и интересов своих стран. Примечательно, что, хотя правящие компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы на определенном этапе также использовали национальную риторику для сохранения своего влияния, почти никто из политиков, вышедших из их рядов, в дальнейшем этого не делал. С. Милошевич был явным исключением из общего правила. Отметим также, что позиции политиков левой ориентации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы постепенно слабеют и, несмотря на осложнение социально-экономической обстановки, эта тенденция, скорее всего, сохранится в обозримом будущем.

Анализ политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы последних десятилетий позволяет прийти к заключению, что механизм ее формирования и воспроизводства еще находится в начальной стадии. Политические партии в большинстве случаев слабы и являются выразителями интересов отдельных групп. Идеологические и политические платформы почти всегда нечеткие. Личностный фактор — наличие или отсутствие сильного лидера, способного завоевать симпатии населения, очень велик. В целом личностные симпатии и антипатии, которые в политике многих стран играют немаловажную роль, здесь особенно важны ввиду слабости политических институтов.

В современных международных отношениях происходят существенные изменения, которые не могут не затронуть и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Правящие круги Запада явно взяли курс на то, чтобы обеспечить свое лидерство в мире, создав достаточно изолированную систему, в которой сочетались бы политическая свобода, экономическое процветание и социальная сплоченность общества. Об этом достаточно откровенно сказал в своем выступлении 13 октября 2022 г. Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель, сравнившей Европу с садом, где все работает и сочетается лучшее, что создало человечество, окруженным джунглями [9]. Мож-

но не сомневаться, что подобные настроения есть у многих других представителей западной элиты. Вполне вероятно, что у Запада хватит ресурсов и политической воли, чтобы этого добиться, хотя реализация такого проекта возможна, скорее всего, только в долгосрочной перспективе. Возникает вопрос — а какова будет тогда судьба стран Центральной и Юго-Восточной Европы? Найдется ли им место в этом проекте? Что предпочтут их элиты? Данные вопросы пока остаются без ответа.

И, наконец, последнее по счету, но не по значению. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы географические близки к России, а некоторые являются ее соседями. Объективно все стороны заинтересованы в установлении нормальных, а в оптимальном случае — и добрососедских отношений. Нынешняя конфронтация России и Запада, наиболее острой точкой которой является Украина, будет иметь долгосрочные негативные последствия. В нынешней «войне на истощение» между Россией и Западом страны Центральной и Юго-Восточной Европы (кроме Сербии и Боснии и Герцеговины) примкнули к экономическим санкциям Запада, оказывают Украине политическую, экономическую, а в ряде случаев и военную поддержку. Ввиду этого Россия отнесла их к числу «недружественных». Но на каком-то этапе после окончания активной фазы конфронтации вопрос о нормализации отношений встанет в повестку дня. И весьма вероятно, что критически оцененный опыт отношений России и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в первые три десятилетия после распада биполярной системы может оказаться востребованным. Отметим лишь несколько моментов. В советский период Москва строила свои отношения с социалистическими государствами, делая ставку на первого (генерального) секретаря ЦК правящей компартии и довольно узкий круг лиц, которые пришли к власти с советской поддержкой и пользовались доверием СССР. События в этих странах оценивались почти всегда через призму их взглядов. Какие-либо деловые отношения и контакты не только с некоммунистическими кругами, но даже с недовольными политикой первого лица в партийном руководстве, практически исключались. Данные подходы в определенной степени были продолжены и российской дипломатией — круг общения среди элиты Центральной и Юго-Восточной Европы оставался довольно ограниченным. При этом акцент во многих случаях делался на левые круги — посткоммунистические и даже коммунистические партии, чье влияние постепенно падало. Попытки привлечь на свою сторону крайне правые круги частично были успешными, но их влияние также является ограниченным. В дальнейшем России будет наиболее целесообразным работать со всем политическим спектром, но уделять особое внимание политическому истеблишменту, а не крайним группировкам.

При выстраивании отношений с политической элитой Центральной и Юго-Восточной Европы в будущем необходимо учитывать, что ее мейнстрим также не является однородным. При этом проблемы идеологической ориентации и сложного исторического наследия (а оно в ряде случаев реально существует) будут играть определенную, но не решающую роль. Сложные проблемы прошлого имеются в отношениях России и с Польшей, и с Венгрией. Однако лишь в первом случае они влияют на формирование внешней политики.

Видимо, целесообразно уделять большее внимание странам Центральной и Юго-Восточной Европы в контексте всей внешней политики России. Конечно, по глобальным проблемам основные вопросы будут рассматриваться в рамках

взаимоотношений России с европейскими и евро-атлантическими структурами, но, когда речь пойдет о проблемах европейской безопасности, США и крупные западные державы будут учитывать в той или иной степени мнения и государств Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно когда это относится к проблемам данного региона и примыкающих к нему стран, в том числе и постсоветского пространства. При выстраивании отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, скорее всего, надо будет иметь в виду, что их элиты являются младшими союзниками, а не простыми сателлитами США, и от них тоже кое-что зависит при поисках путей решения региональных проблем. Стереотип, сложившийся еще во времена Коминтерна, о том, что малые и средние государства, являющиеся западными соседями СССР, не имеют собственной внешней политики, был уже тогда сильным упрощением. Отголоски подобных подходов, встречающиеся и в наши дни, тем более не соответствуют реальности. Для укрепления своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе, которые заметно ослабли в последнее время, России было бы целесообразно проявлять к этим странам больше внимания и уважения вне зависимости от их размера, стремиться содействовать в решении их проблем.

Вполне естественно, что спектр проблем, возникающих при изучении политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы, достаточно широк. Для рассмотрения некоторых сюжетов необходимо ввести в научный оборот дополнительный фактический материал и провести его обобщение. Однако рассматриваемое исследование ученых-славистов в целом создало качественную основу для изучения данной проблемы, актуальность и значимость которой будут сохраняться и в будущем.

Литература

1. *Speech by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, at the Charles University in Prague: "Europe is our future"*, 29 August 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-an-der-karls-universitaet-am-29-august-2022-in-prag-2079534> (дата обращения: 29.06.2023).
2. *Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в.* (2022), отв. ред. Никифоров, К. В., М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История.
3. *Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.)* (1993), М.: Институт славяноведения и балканистики РАН.
4. *До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе* (2009), М.: Индрик, 2009.
5. Канарская, А. Н. (2022), «Герои» и «антигерои» в истории Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XX века). Обзор конференции в Институте славяноведения РАН, *Славяноведение*, № 1, с. 113–122.
6. *Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы* (1999), в 2 т., т. 1: 1944–1948 гг., Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, отв. редактор Волокитина, Т. В. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), с. 315–316.
7. *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.* (1997), т. 1: 1944–1948 гг., Ин-т славяноведения и балканистики РАН, Рос. центр хранения и изучения док. по новейшей истории, Гос. архив РФ, М.; Новосибирск: Сибирский хронограф.
8. *Enver Hoxha, Selected Works. Volume II. November 1948 — November 1965* (1975), Tirana: The "8 Nentori" Publishing House.

9. *European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme*. 13 October 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (дата обращения: 29.06.2023).

Статья поступила в редакцию 11 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Худолее Константин Константинович — д-р ист. наук, проф.; k.khudoley@spbu.ru

The contemporary political elite of Central and South-Eastern European countries: Personalities and general trends (reflecting on a recent book)

К. К. Khudoley

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation

For citation: Khudoley K. K. The contemporary political elite of Central and South-Eastern European countries: Personalities and general trends (reflecting on a recent book). *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 330–347. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.402> (In Russian)

The purpose of the article is to study the state of the modern political elite in the countries of Central and South-Eastern Europe, to identify the main trends in its development and the role of personal factors based on the analysis carried out by the authors of the collective monograph of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Generally, the transition in Central European countries from socialism to capitalism successfully took place, and the line of integration into the Western world prevailed. However, among the countries' ruling circles, there are both supporters of total acceptance of the rules established in Brussels and those who seek to preserve greater independence for their countries within European and Euro-Atlantic structures. These contradictions are serious but surmountable due to the already established political institutions in these countries and some experience of political compromises. In South-Eastern Europe, the transition to capitalism was more complex, accompanied by acute national conflicts. It is currently complicated by a de facto suspension of these countries' accession to the EU. The result is a more diverse composition of the elite in this region compared to Central Europe — former communists, military men, and nationalists are significantly more numerous here. The situation is aggravated by the weakness of political institutions and the elites' inability, and sometimes unwillingness, to seek solutions to problems through compromises. Particularly noteworthy are the biographies of R. Erdogan and A. Tsipras, who tried (the first successfully, the second not) to implement radical changes in the political life of their countries. Politicians from all considered countries focusing on national characteristics and traditional values generally have significant potential. It would be advisable for Russia to analyze the successes and failures in relations with the Central and South-Eastern European countries in recent decades and learn from this experience for future policy.

Keywords: political elite, Central Europe, South-Eastern Europe, Russian foreign policy, European Union, NATO.

References

1. *Speech by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, at the Charles University in Prague: "Europe is our future"*, 9 August 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-an-der-karls-universitaet-am-29-august-2022-in-prag-2079534> (accessed: 29.06.2023).

2. *The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: Political portraits. Late XX — early XXI century* (2022), ed. by Nikiforov, K. V., Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ. (In Russian)
3. *Prisoners of the national idea. Political portraits of the leaders of Eastern Europe (the first third of the XX century)* (1993), Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies RAS Publ. (In Russian)
4. *Before and after Versailles. Political leaders and the idea of a nation-State in Central and South-Eastern Europe* (2009), Moscow: Indrik Publ. (In Russian)
5. Kanarskaya, A.N. (2022), “Heroes” and “antiheroes” in the history of Central and Southeastern Europe (the second half of the twentieth century). Review of the conference at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, *Slavianovedenie*, no. 1, pp. 113–122. (In Russian)
6. *The Soviet factor in Eastern Europe. 1944–1953. Documents* (1999), in 2 vols, vol. 1: 1944–1948, ed. by Volokitina, T. V., Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., pp. 315–316. (In Russian)
7. *Eastern Europe in the documents of the Russian archives. 1944–1953* (1997), vol. I: 1944–1948, Moscow, Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ. (In Russian)
8. Hoxha E. (1975), *Selected Works*, vol. 2: November 1948 — November 1965, Tirana: The “8 Nentori” Publishing House.
9. *European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme*, 13 October 2022. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (accessed: 29.06.2023).

Received: August 11, 2023

Accepted: September 28, 2023

Author’s information:

Konstantin K. Khudoley — Dr. Sci. in History, Professor; k.khudoley@spbu.ru